

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧЕЛОВЕК ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Глава 1. ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ

1.

Не без смущения, не без страха предлагаю я эту книгу. Одно могу сказать в оправдание: я не собирался, я не хотел! Почти сорок лет занимаюсь я детьми, воспитывал чужих и своих, работал вожатым и учителем, писал о детях и для детей; но однажды я задал себе вопрос: отчего это в одинаковых условиях в одних семьях вырастают хорошие дети, а в других плохие?

Когда мы встречаемся с бездушными, бессердечными, бессовестными людьми, мы обычно спрашиваем: «Откуда? Ну откуда же?!» Попытаемся отыскать самый корень — не бесчеловечности, нет! — корень человечности отыскать.

Нам всем приходится воспитывать друг друга, потому что мы не умеем воспитывать маленьких детей.

Обычно пишут: «Автор призывает нас...» Нет! Автор не призывает. В этой книге исследуется процесс воспитания детей, и притом не трудных, а обыкновенных. Попытаемся понять, что же происходит между нами и нашими детьми, когда мы их воспитываем, и какую силу имеют различные наши педагогические действия, что возможно в воспитании и что невозможно, что из чего получается.

Даже дети знают, откуда берутся дети; но откуда берутся хорошие дети?

Педагогика для всех — наука довольно жесткая, как и все науки. Она не предписывает, как жить и каким быть, она даже не прописывает рецептов воспитания: она лишь исследует, при каких обстоятельствах с детьми все будет хорошо, а при каких непременно будут трудности.

Так получается, а так — нет. Вот все, что может сказать педагогика, но это немало.

2.

Воспитание детей — старейшее из человеческих дел, оно ни на один день не моложе человечества; оттого оно кажется несложной работой: все справляются, и мы

справимся. В действительности взгляд этот обманчив, я бы даже сказал — коварен. В самом деле, ни в какой другой человеческой деятельности итоги не отличаются так разительно от затраченных усилий.

Воспитание зависит от трех переменных: взрослые, дети и отношения между ними. Это задача с тремя неизвестными из трех! Математики за нее не взялись бы.

Попытаемся решить ее, насколько это возможно. Переберем все три неизвестные величины: первая глава книги посвящена родителям, вторая — детям, а третья, соответственно, отношениям между родителями и детьми.

Должен предупредить, что многим книга покажется слишком трудной, слишком «философской». Потрудимся. Как бы высоко ни занесла человека судьба, как бы круто ни обошлась она с ним, счастье его или несчастье — в детях. Чем старше становишься, тем больше это понимаешь.

3.

Этого мальчика зовут Матвей, Матусь, Матусик. Друзья подшучивают надо мною:

— Педагогика от Матвея!

И действительно, неизвестно, кто кого воспитывает: мы его или он нас.

Да, дети сильно затрудняют жизнь, с ними никак не управиться, но ведь еще сильнее они помогают нам, причем в главном — помогают человеку управиться с самим собой.

И разве не все мы посланы в эту жизнь? Не все призваны? Для чего — призваны? Для чего — посланы?

Нам не справиться ни с одной загадкой в воспитании и не ответить ни на один самый простой вопрос, пока мы не знаем, для чего мы сами-то призваны в жизнь. Тут мы все и попадаемся, даже культурнейшие и умнейшие из нас: мы думаем, будто есть ответы на простые вопросы — без сложных, будто можно ответить на бытовой

вопрос воспитания — без ответа на вопросы этические. А это невозможно.

Мы спрашиваем: «Что делать, если ребенок...» — что делать, если ребенок непослушен, упрям, капризен, медлителен, неряшлив, грубит, плохо учится, ленится, грызет ногти, поздно приходит домой, вообще не выходит из дому, не читает, только и делает что сидит над книгой, курит, ворует, обманывает, связался с дурной компанией, не имеет товарищей, жаден, скрытен, скуп, застенчив, необщителен, труслив, несамостоятелен, безвольный, нечуткий, невнимательный, злой?

Но ответов на уровне «Что делать, если ребенок...» нет, они живут, эти ответы, в другой сфере — в этической.

4.

Вот так началась жизнь Матвея: он родился в тот день, когда его старший брат ушел служить матросом на Северный флот, а старшая сестра его заканчивала школу. А он явился, деловитый, словно для того, чтобы мы все подобрались и вошли в то особое расположение духа, для которого нет слова в языке — не назвать ли его детным состоянием?

Одни из нас живут в мире без детей, а другие — в мире, полном детей. Дети составляют если не весь смысл жизни, то, во всяком случае, важную часть этого смысла. Такой человек не может пасть духом, отчаяться, залениться — у него есть дети, их надо кормить, им надо подавать пример бодрости и человечности.

Дети связывают нас с миром. Рождаясь, ребенок словно выныривает из вечности, и, общаясь с детьми, мы как бы приобщаемся к вечности.

Детного человека легко узнать: дети ему интересны. Для недетного человека ребенок прежде всего объект воспитания. Протянув ребенку яблоко, такой человек обязательно напомним: «Ты, кажется, забыл что-то сказать?» Он не получает радости от того, что у ребенка

есть вкусное яблоко, его радует только воспитанность, он не знает других отношений с ребенком, кроме воспитательных, и школьнику он умеет задать лишь один вопрос: «Как учишься?»

Сын не судья своему отцу, но совесть отца — в его детях. Они каким-то образом связаны с нами, и если мы поступаем дурно, то это сказывается на них. Может быть, чувство вины остается в наших глазах и дети его улавливают?

Театральному режиссеру начальство предложило не совсем благовидную сделку с совестью. Режиссер возмутился: «Что вы? У меня же сын растет!» Начальство не поняло: при чем тут сын? Кто трогает его сына? Но режиссер стоял на своем. Он не мог поступить бессовестно, потому что у него есть сын, — на этом основании!

Нельзя — дети видят. Нельзя — здесь дети. Нельзя — что скажут дети? Нельзя — у меня же дети есть! Детным людям нельзя поступать дурно по той простой причине, что в мире есть дети.

Одни из нас всю жизнь живут в детном состоянии, другие всю жизнь в бездетном, третьи то забываются, увлеченные потоками трудов, страстей и забот, то вновь вдруг вспоминают, что у них есть дети.

Но если у нас что-то не получается с детьми, то, может быть, причина в том, что мы не замечаем их? Тогда помочь трудно.

Воспитывать детей, не будучи в детном состоянии, почти безнадежное дело.

... Кровать на колесиках ходит ходуном. Энергично прыгая в ней, Матвей научился разъезжать по комнате. Под вечер оставим его одного, думаем, что уложили — все, отбой! А он подъедет к двери, приоткроет ее, высунется:

— Э-а! Э-а (Как вы тут без меня?)

И надо бы на него рассердиться, но никто не может. Мама игровым грозным голосом говорит:

— Это что такое? Ну-ка!

Мальчик смеется, и его водворяют на место.

5.

Чего мы ждем от детей? Да радости, конечно, чего же еще. Из одних лишь надежд на будущее или из одного только сознания общественного долга мало кто стал бы обзаводиться детьми.

Можно порассуждать о том, что дети — наше будущее, залог бессмертия; можно смотреть на мальчика как на продолжателя рода; можно растить детей в надежде, что они будут опорой в старости, — это все так. Но детному человеку дети доставляют радость, и этим все сказано.

Иногда люди так и объясняют, отчего у них нет детей:

— Да какие теперь дети? Какая от них радость? Вон у моих знакомых...

Каждый легко продолжит, что же именно произошло «у знакомых», «у соседки», «у сослуживцев».

Историям разочарования в детях нет конца.

Вот наши дети, в нашем доме — что нам нужно, чтобы они и сейчас, и через пять лет, и через двадцать пять приносили радость, а не разочарование? Какими мы хотим их видеть?

6.

У каждого из нас, даже если мы об этом не знаем, живет в голове образ Идеального Ребенка, и мы незаметно для себя стараемся подвести реального нашего ребенка под этот идеальный образ. Что бы ни сделал, что бы ни сказал малыш, мы автоматически сличаем его поступок и слово с образом Ребенка в голове, и если сходится — то мы хвалим сына, если расходится — осуждаем. Можно сказать, что живой мальчик зависит не от папы, а от своего идеального сверстника, который поселился в папиной голове. И не от мамы зависит, а от образа Ребенка, поселившегося в маминой голове. Мы воспитываем детей вовсе не по своему образу и подобию, своего образа почти никто не знает, а по какому-то сочиненному нами образу.

И первое разочарование нас ожидает, когда оказывается, что, несмотря на все наши старания и усилия, живой мальчик никак не хочет отвечать образу Идеального Ребенка, насколько на него не похож. У других дети как дети, а наш? Уж не достался ли нам какой-то не такой ребенок, вроде бракованного холодильника? Еще хорошо, что мы не просим заменить этого ребенка на другого, исправного.

Но настоящее уныние охватывает родителей, когда дети, которые росли вроде бы правильно, вырастают и оказываются негодными людьми, от которых никакой радости ни родителям, ни окружающим их, никому.

Понять причину, происхождение, природу этого величайшего из разочарований, какое только может постигнуть человека, очень важно.

Ребенок отличается от взрослого тем, что у него есть будущее, ему предстоит и вторая, взрослая, жизнь. Ребенок в наших глазах — это лежачее будущее, потом сидячее, ползающее, ходящее, бегающее и прыгающее. Но поскольку у него две жизни, детская и взрослая, то и образ его в нашей голове двоятся. Мы видим Петю сегодняшнего, но загадываем о Пете будущем, это естественно. У нас есть образ Идеального Ребенка, но есть и образ Идеального Человека, мужчины или женщины.

Но два образа, Ребенка и Человека, довольно часто расходятся в одной и той же родительской голове. В этом истинная причина наших разочарований. Образ Человека мы конструируем для взрослой жизни, в нем главное — самостоятельность. А образ Ребенка нужен нам такой, чтобы легче было справиться с трудной работой воспитания, в нем главное — несамостоятельность, потому что своевольным ребенком сложнее управлять. Образ Человека — для одной цели (жить!), а образ Ребенка — для другой (воспитывать!). Но если в одной воспитательной голове два несовместимых образа, то воспитание разлагивается, и мы перестаем что-либо понимать. Мы хвалим мальчика тогда, когда следовало бы отнестись

к нему с долей осуждения, и браним, когда надо было бы хвалить. Мы ждем от него одного — и в то же время другого, мы запутываемся сами и запутываем сознание ребенка. В результате во всех порах семейной жизни, как пыль, накапливается раздражение. Все недовольны друг другом, все легко раздражаются, все чего-то требуют друг от друга, и никому не угодишь.

Педагогическая постройка рассыпается.

7.

Итак, нам нужно заняться тем Идеальным Мальчиком, той Идеальной Девочкой, которые живут в наших головах. Если уж перевоспитывать кого-нибудь, то сначала их, а не реальных наших детей. Нужно создать такой образ Ребенка, чтобы из него непротиворечиво вырос образ Человека — и сам человек.

Но каков тот образ Человека, который кажется нам привлекательным и манит нас? Иначе говоря, каковы на самом деле цели нашего воспитания? Сначала кажется, будто их много; но расспросите любых десять человек — и все скажут примерно одно и то же, причем в одних и тех же словах. Образ Человека у всех примерно одинаковый.

И наша беда не в том, что мы не умеем добиваться целей — умеем, все умеют. А в том, что довольно часто говорим и даже думаем, будто хотим одного, — а на самом деле хотим чего-то совершенно иного, и этого-то, иного, мы и добиваемся.

С предельной ясностью поймем, чего же мы хотим, чего мы сами хотим, вы хотите, читатель, — и наш внутренний механизм начнет подстраиваться на цель, сам собою начнет меняться руководящий нами образ Ребенка, и нам будет легче с детьми.

8.

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что человек должен быть хозяином собственной жизни; а для других — кормильцем, поильцем, помощником, заступником,

защитником. Самостоятельность — это и есть первая цель воспитания. Родившегося у нас беспомощного младенца мы должны вырастить и поставить на ноги, чтобы он был достаточно здоров, достаточно развит и обучен. Чтобы помочь родителям в достижении этой цели, государством создана система образования, общего и профессионального.

Но образование оказывается почти бесполезным и не ведет к самостоятельности, если не вырабатывается у человека внутренняя самостоятельность, не укрепляется тот жизненный хребет, от которого зависят все другие качества, подобно тому как физические наши силы зависят от крепости позвоночника.

Ускользающий от нас секрет слова «самостоятельность» заключается в том, что самостоятельный — значит свободный. То есть у него шире пространство жизненных выборов. И чем свободнее человек, тем значительнее может быть его выбор, тем сильнее выбор влияет на судьбу. А значит, и ответственности за сделанный выбор у него больше.

Несвободного за ложный выбор наказывает кто-то (родители, сверстники, закон), свободного за неудачный шаг наказывает жизнь. Свобода человека определяется источником наказания за ошибки; совершенно свободен человек, если источник наказаний в нем самом, и нигде больше. Для такого человека полная свобода поведения — это максимум ответственности, это крайне напряженная нравственная и духовная жизнь.

Напряженная, трудная, опасная! Для неразвитых людей она буквально невыносима — как трудна, например, для некоторых молодых парней жизнь «на гражданке» по сравнению с армейской. Они мечтают о дисциплине, потому что не могут справиться с собой на свободе, их давит тяжесть ответственности перед жизнью, они предпочитают зависимость. Так и подростки, не знавшие свободы в детстве и не научившиеся обращаться с нею, вдруг освободившись от родительского надзора, быстрее торопятся примкнуть

к какой-нибудь компании сверстников, где царит самое суровое подчинение. Для духовно развитого свобода — крылья, для неразвитого — бремя. Поскорее сбросить его с себя, взвалить на плечи другого! Когда мы наказываем ребенка, мы не усложняем его жизнь, как думают, а облегчаем, и притом опасно облегчаем. Мы берем выбор на себя. Мы освобождаем его совесть от необходимости выбирать и нести ответственность, мы перехватываем у жизни право наказания, мы ставим заглушку на источник самостоятельности. И если мы постоянно наказываем, осуждаем, делаем замечания, то вырастают люди, которые боятся самостоятельности, боятся свободы. По всем представлениям человек должен бы стремиться к свободе — но нет, он стремится прочь от нее, бежит от самостоятельности. Это, так сказать, восьмой смертный грех: конформизм. Человек не хочет быть свободным даже в мыслях! Ему показывают бумажную полоску в десять сантиметров, но все окружающие, сговорившись, утверждают, что в ней только шесть или семь сантиметров, и человек в руках психолога-экспериментатора, заикаясь и смущаясь, говорит не то, что видит, а то, что люди говорят. Он несамостоятелен, он как все, он конформист. Руки могут быть в мозолях, ум изощрен, память забита знаниями, а дух спит, не развит. К ответственному выбору человек не способен, боится его, живет в полной зависимости от своего окружения, от сослуживцев, от жены, от каких-то темных сил, поднимающихся из глубины его души. Самостоятельным его никак не назовешь.

9.

Но отчего одни дети и подростки, имея свободу, раскованны, а другие распущенны?

Разница в том, как пришла к ним свобода. К ответственности ведет не та свобода, что дана или подарена, а та, что добыта собственным усилием. Ребенка и подростка развивает не свобода, как иногда думают, а собственное

действие по добыванию свободы, самоосвобождение. Достичь подлинной самостоятельности можно только самоосвобождением. Ребенок и на свет появляется сам — самоосвобождением.

Запомним это слово, быть может, относительно новое для вас и редкое в педагогических книгах — самоосвобождение.

Когда ребенка оставляют без внимания, без надзора, без влияния взрослых, короче говоря, без воспитания, когда он растет вроде беспризорного, — он борется за себя в компании сверстников, на это уходят все его силы, и он вырастает духовно бедным человеком (хотя возможны, конечно, и исключения). Когда ребенку приходится освобождаться от опеки родителей, когда он борется за свободу в семье, то скандалы кухонного типа не дают толчка для развития. Подросток добывает внешнюю независимость, внешнюю свободу — чтобы сменить ее, как уже говорилось, на зависимость от сверстников. Для него свобода — лишь разменная монета: здесь добыл, там продал. Самоосвобождения не происходит.

Таким образом, ценность самоосвобождения зависит от значительности противника. Одно дело — освобождаться от мелочных родительских запретов, другое — от темноты, от трусости, от засилья дурных людей.

Если в семье мир, если ребенок с первых шагов чувствует себя свободным и знает вкус самостоятельности, то он стремится стать лучше, сильнее, старается освободиться от собственной слабости, неумелости, то есть его порыв к самоосвобождению растет. Порыв к самоосвобождению, поддержанный старшими, и дает самостоятельного, свободного, раскованного — воспитанного — человека. Да и вообще освобождаться увлекательнее, чем воспитываться.

Вон идет пятнадцатилетний мальчик; взгляните в его глаза, присмотритесь к его походке, перекиньтесь с ним